

Досье на депутата

Шмелев Владимир

Александровский сад

Московский роман

Потресающая драма

Развей пепел выловленной души

Союз независимых писателей
самиздата

Компромат на кандидата

18+

Владимир С. Шмелев
Александровский сад.
Московский роман

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40639885

*Александровский сад:
ISBN 978-5-00122-292-7*

Аннотация

Страшно, когда власть имеют не чистые на руку. Трагедия, когда ею обладают хамелеоны и конформисты, ура-патриоты, что умело маскируют свое двуличие, презрение к народу, Родине. Они полны равнодушия, их занимают только личные интересы.

Содержание

Шрам безнадёги	10
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Владимир Шмелев

Александровский сад

Автор не преследовал цели кого-либо оскорбить. Схожесть героев романа с известными персонами случайна.

© Шмелев В.С., 2018

* * *

Равнодушие – это своего рода благо, за которое цепляются, в котором видят спасение! Ибо оно одно даёт силу жить, не истекая кровью и не сознавая всей глубины переживаемого злосчастия. Благо равнодушным! Но равнодушие, на целую среду, на целую эпоху кладет печать бессилия, предательства и трусости.

(М. Салтыков-Щедрин, писатель, философ, мыслитель)

Сад, спланированный архитектором Бове, разбит на месте заключенной в трубу реки Неглинки и существовавших здесь ранее прудов, открыт в 1821 году. Троицкий мост разделяет верхний и средний сады, связывающие Кремль с Кулафьей башней. Роскошные ворота со знаковыми двуглавыми орлами, встречают входящего почетным караулом у вечного огня, впечатляют торжественностью. Далее – обелиск 300-летия дома Романовых.

Время образования и процветания Российской империи

Вот грот, что включал в себя ослепительно-белый портик классической формы на четырех колоннах в том же стиле. Он был похож, включая долю воображения, на осколок недосягаемого акрополя, возвышающегося на огромной высоте над Афинами. Проникая внутрь, прорываешься в неизведанное прошлое, которого мы совсем не знаем. Оно не менее интересно, чем будущее, что со смехом гуляло, держась за руки своих мам и пап. Мы входим в утробу грота, где раздвигаются камни. Огромная гардеробная. Там мы переодеваемся в костюмы всех эпох, какие нам приглянулись.

В Александровский сад спешит карнавальный народ по случаю какого-то праздника, юбилея или открытия Мирового чемпионата по футболу, Рождества, Нового года, Дня города, заполняется счастливыми лицами. Приятная суета оживляет сад, Манежку, Красную площадь и площадь Революции. Музыка, столько тепла и света, кажется, праздник здесь всегда. Москва оглашается красочным салютом, высвечивая лица простых людей. Всем хочется, хотя бы на мгновение почувствовать призрачное ощущение всеобщего благоденствия, общности, свободы, пусть воображаемой.

Сколько раз мой герой Владимир Сереевич, депутат, пересекал по подземному переходу проезжую часть от Госду-

мы до Манежной площади, направляясь в Александровский сад! Здесь такое необъяснимое притяжение. Остров зелени с историческими знаками, что начинаются еще до блистательных по рисунку ворот входа в сад.

На Манежке – возле Исторического музея – триумфатор. Маршал Жуков на потрясающем скакуне, изображенный во время Парада по случаю Победы.

Он летит над городом, над всеми в своей славе, недостижимый, вне времени и во всех пространствах.

Он – символ несокрушимости русского оружия, русского духа.

С гордостью и почитанием взираем на человека, ставшего вождем великой Победы, мы все готовы выстроиться в ряд и пойти за ним строем за Родину.

Рядом с Жуковым иначе думаешь и хочется быть лучше. Строгий и торжественный сад с порога впечатляет чугунным чудом. Ворота, достойные исторической памяти. Вечный огонь, города-герои и стойкие оруженосцы со значительными лицами, серьезными, полными ответственности почетного караула. Как правильно и верно чеканят они шаг при смене, ничто в них не дрогнет! Каждое движение отработано отточено до безукоризненности, как и внешний вид, дополненный полной невозмутимостью.

Они трогательно молоды и мужественны ответственной решимостью. Как быстро они повзрослели на почетном посту!

Таинственный грот, обрамленный аркой, и по бокам – колоннами напоминает мне Москву времен войны 1812 года. Он смотрелся как часть какой-то усадьбы. Место, где дышит поэзия, вздохи, объятия, поцелуи. Портал в другой мир.

Дети бегали по верху, где маленькая тропинка ободком пригорка венчала загадочное пристанище прошлого.

Вновь заходим в грот, и уже другие сцены суетливой городской жизни, толпы людей окружают тебя и что-то шепчут сокровенное.

Разношерстный народ от разносчика кренделей и сбитня до военных, щеголяющих в форме. Дамы, кавалеры и говор московский, что не перепутаешь ни с каким другим.

Слова, нанизанные на время, спрутом затягиваются в моем сознании жуткими историями. Площадные трагедии, осмеяны толпой, тайные страстишки письмоводителя.

Растратчик, погоревший на привязанности к избалованной пассии.

Истории словно рой назойливых ос.

Выпрыгиваю в настоящее, не выдержав слез, нелепицы, произвола чиновников, что доводят до самоубийства отчаявшегося лавочника, не угодившего городовому.

Всегда ли лютовала власть? История не дает однозначных ответов.

В наше время найдутся примеры, где чиновники да и служивые в раже и в неистовости презрения и личной неприязни мстят незащищенным. Горемыки заваливают депута-

тов нескончаемыми жалобами в надежде в Москве отыскать правду.

Но, как и встарь, до президента далеко, до Бога высоко.

Без чего русский человек вянет, как растение без воды? – Без веры теряется смысл жизни.

Памятник великому святителю патриарху Гермогену о стойкости русских христиан.

Замираю перед решимостью отстаивать православие.

И пали все, кто покушался на Россию, не устояв перед его мистическим предупреждением. Он предрекает попирающим веру, всем, кто хочет растоптать святость Руси, бесславный конец.

Прозорливый монах, поднявшийся над страхами, болью, отчуждением, показал сияние славы Руси.

Освящая и благословляя все кругом крестом, его лик обращен ввысь, где все помыслы человечества, в космос, что внутри каждого из нас, душевный космос.

Какая далее страница истории человечества, какие познания ждут нас? Добро и зло продолжают свой бой даже там, где материя энергии плавится, образуя то, чему еще нет названия.

Память россиян выжжена войнами, что нескончаемо не затухают. В набат стучат сердца погибших за нашу свободу. И вновь затевают походы против России, ее независимости.

Это те, кто по ту стороны правды спрятал свои лица во

праке, готовятся к войне. Жалкие во зле. Слепленные в своем мнимом могуществе, питающие иллюзии насчет России.

Что ждет тебя, Земля? Прогресс, новое вооружение или расцвет человеческой души вместе со сказочной природой, что мы так упорно засыпаем отходами жизнедеятельности? Любимая родная планета превратится в гору мусора.

Александровский сад заполнен грохотом пушек и запахом пороха. Это чувствуешь возле памятника Александру-освободителю. Наполеон, с поклоненной Европой, в походе против России оставил армию замерзать в снегах. Русский солдат непобедим, так говорит история.

Прогулки по Александровскому саду традиционно заканчиваются на ступеньках постамента крестителю Руси князю Владимиру, что привел ее в православную цивилизацию.

Как много вместил в себе исторический сад, древний как Кремль, и обновляющийся каждой весной! Сад, достойный великой России. Атмосфера сада располагает к размышлениям, осмыслению бытия. Здесь становишься философом и пытаешься разобраться в себе.

Шрам безнадёги

Герой повествования расскажет о себе сам

– Вэл, иногда я жутко кричал на любимую жену Инну, охваченный необъяснимой злобой, вдруг меня так раздражали она и дети. Они уходили в спальню и ждали, пока успокоюсь. Инна понимала мое состояние, ей было известно, откуда у меня шрам на лице.

Это случилось, когда учился в 10-м классе. Не помню, почему отпустили из школы раньше. Открыл квартиру, увидел незнакомых людей, сразу понял по лицам: воры. Не успел убежать, схватили, стали требовать код сейфа, что обнаружили за иконой. Я не знал цифр, плакал и трясся от страха. Они кричали так, что, думал, оглохну. Не думал, что люди могут быть такими, вернее, со мной так никто не обходился. Сейф они все-таки открыли, но сумма не устроила. Стало ясно, пришли они не за этим, во всяком случае, это было не главное.

– Ну что, суслик, страшно? А если я тебе сейчас очко порву, как последней суке? Не дрожи, ты не в моем вкусе, – цедил скрипя, зубами самый молодой и наглый из них.

Я замер, его лицо оказалось рядом, он коснулся меня губами и потом с силой потрепал щеку.

– Передай отцу записку. Не даст рыбку ловить – я тебе яйца отрежу.

Мой отец – замминистра рыбных ресурсов.

Он достал нож и покрутил его на пальце, так ловко, как в цирке. Когда провел по щеке лезвием, не сразу понял, что потекла кровь, думал, конец, закрыл рану и терпел боль. Сразу, как ушли, собрался, и прикладывал перекись, лед из холодильника. Позвонил отцу. Милицию он не стал вызывать, лишь сокрушался, что в тот день дал выходной горничной.

Лечили меня долго. Психиатр сказал отцу, что мне нужна женщина.

Первая встреча с какой-то девушкой, очень приятной, прошла в разговорах. Когда на следующий вечер она стала меня гладить, не испытывал стеснения, не было никакой зажатости. Оголившись, раздела меня. Я дрожал от нетерпения. Хотелось наброситься на нее. При свете ночника увидел красоту женского тела и стал изучать на ощупь.

Такая возможность продолжить познавать появилась в медицинском, куда неожиданно потянуло. Раньше слышать о нем не хотел, видимо, сыграли родительские гены: родственники по матери – все медики. Стал разбираться в физиологии, психологии и понял, почему не мог устоять перед сексуальным влечением: так снимал напряжение, страх.

Ночью иногда испытывал такое желание, как говорят, хоть волком вой, до остервенения. Не хотелось будить близ-

ких, воздерживался от звонков к женщинам. Они приходили днем, когда родители были на работе. Горничная получила указание не препятствовать.

Я мучил проституток и понял, почувствовал силу зла, вдруг увидел в нем привлекательное. Стало тянуть к сильным, наглым, злым, такие все могут, им никто не в силах отказать. Зло предстало завораживающим, вспомнил, когда впервые стал им восхищаться и поражаться при увлечении компьютерными играми с убийствами, кровью и насилиями. Я поклонялся злу. В школе держал в страхе весь класс, не явно, конечно. У меня вдруг появился тот взгляд тех мужиков, что ограбили квартиру. Мне хотелось стать демоном, что в разных вариациях присутствовали в фантастических играх.

Тяжелый, угнетающий, злобный взгляд на грани ироничной усмешки.

– Ну что ты, не бойся, хочешь, я тебя пальчиком пощечую? – так обычно говорил тем, кто вдруг решил смотреть независимо или вообще презрительно в мою сторону или просто не замечать. При этом зрачки глаз сужались до точки, превращались в тонкую стрелку, что колется и проникает страхом и обреченностью. Долгое время отрабатывал этот взгляд перед зеркалом. Предательский шрам на лице каждый раз напоминал тех сволочей и ужас, испытанный при встрече с ними. Сколько ни пытался потом забыть этот страх, так и не смог.

В классе меня звали монстром со шрамом. Мне хотелось

драки, крови, крутизны, чтоб девчонки избегали моих взглядов, чтоб им было не по себе, чтоб чувствовали во мне силу, чтоб этой силой мог взять и зажать, пощупать, залезть к ним в трусики.

Думал, что зло сделает меня свободным, но выходило иначе: появлялись недоверие, подозрительность, презрение. Стал думать, что не очень крут, не внушаю должного трепета. Надо больше их унижать, и тогда злоба выходила пеной изо рта, и дух отчаяния витал над моими мыслями. Разум не подчинялся мне, я испугался безумия.

Родители что-то подозревали. Мне стало скучно: ничего себе нельзя позволить, от души избить кого-то, думаешь о последствиях. Думать надоело. А безумие пугало.

Кругом была жизнь, непонятная мне, неизвестная, чем живут люди, какой у них интерес, словно был на другой планете и кругом инопланетяне.

Мой воспаленный мозг рождал только мерзких монстров, что пытали жуткими сценами, с гиканьем и воем они набрасывались на меня со всех сторон, а я, не силах шелохнуться, замер, словно в столбняке, и не было сил даже открыть глаза. «Что это, – думал я, – продолжение компьютерной страшилки?»

Страх прятал за вывеской черного юмора. Юморным был недолго, просто надоело паясничать, выдавливать из себя улыбки, хихикать стоило немало усилий. Для меня было естественна хмуриться, чем лыбиться, когда внутри от все-

го воротит. В школе мы уже взрослые, одиннадцатый класс. Я рычал на ребят, они, как послушные бараны, слушали. У меня было желание измызгать их испражнениями.

Какое наслаждение было видеть страх в глазах трусов, что бегали из стороны в сторону! Организовал драки, был заводилой. Мы собирались за школой, бросали куртки на снег и бились ногами, головой в кровь. И все это снимали на телефон, потом выкладывали в сети.

Рождение Вэла случилось прежде чем возникало имя

Помню, одна из девушек, что приглашал отец, как бы между прочим, заметила, что у меня чисто английская внешность, и что будет звать Вэлом. Мне казалось это имя не ново. Владимир – Вэл по английски, что учил со 2 класса. Я не придал этому значения и, казалось, забыл, но удивился, когда на первых лекциях в университете стал представляться Вэлом.

Я знал, что нужно этим ребятам на курсе: какой-нибудь скользкий или осклизлый анекдот, немного похабщины – и они будут ржать, как ослы. И они уважали меня за это: за смелость суждений, за то, что я говорил то, что думаю, про футбол, мотоциклы, тачки и баб, и где можно вкусно пожрать.

Я научился держать паузу, создавая поле напряжения,

этим оказывая давление на тех, кто был эмоционально слабее, приводя их в замешательство.

Научился пользоваться растерянностью людей, дерзко, смело глядя прямо в глаза, говоря про себя, команды, внушая собеседнику нужное мне, склоняя его на свою сторону. Добиваясь внушения подобранными специальными ключевыми фразами и словами, используя нужную интонацию, запутывая, вводя в такое состояние, когда с человеком можно делать что хочешь.

Мне стала любопытна психология. Стал посещать курсы, семинары и даже консультации с медиумами, экстрасенсами. Как правило, все они – жулье, дурят людей, и только.

Но попались и толковые парапсихологи, что за бабки научили некоторым приемам самовнушения и внушения кому надо, подсказали как смотреть, что думать, как мыслить, чтоб обдурить, облапошить кого надо. В общем, дело темное и не чистое, как раз по мне.

Друг Вэл, моя потаенная суть, провожу с ним наедине психологические тренинги

– Вэл, что за жуть меня преследовала во сне? Постоянно снились женские половые органы. Эти видения были настолько непристойными, что рассказывать их кому-либо было не то что неприлично, но и опасно: могли принять за больного.

Женские прелести во всей красе, такая нежная плоть. И каждый раз оказывается, что это красота только Наташи, что стыдливо отведя глаза, предстала предо мной в первый раз в 57 больнице, куда распределили после мединститута.

Как нежна и целомудренна была ее девственная чистота, какой запах новорожденного! Можно было просто любоваться, бесконечно наслаждаться и больше ничего, казалось, не нужно. Но просыпалось что-то звероподобное, вождедение давало о себе знать, его невозможно было ни спрятать, ни унять, оно воинственно торчало и требовало страсти беспощадной, животной. Как мне хотелось ласкать ее тихо и трепетно, но я тискал ее до боли, а когда добирался до той самой точки, – до крика.

Как избавиться от возбуждающих снов, что дыбятся непроизвольно в плоти? Инна, наблюдательная жена, заметила этот феномен. Ночью проверяла, не повторится ли он, чтоб воспользоваться моментом. Все это приводило ее в такой восторг, потная и разгоряченная шептала на ухо:

– Я мечтала об этом.

В ответ я кусал ее губы, язык, так хотелось причинить ей боль, чтоб она сильнее запомнила эти мгновения. Соски ее становились такими упругими, когда ласкал их языком, а груди в моих руках были необычно теплыми, они воспламенялись, как ее влагалище, я чувствовал между ними какую-то связь. В ответ она извивалась подо мной, как что-то скользкое, мокрое, ни на что не похожее, и ни с чем несрав-

нимое.

Порок заковал мое сознание в прелести образа половых женских органов в форме губ, к которым припадал, как к образу до скончания века, до омерзения, тошноты и рвоты, наслаждаясь скользкой, скотской, влажной плотью.

Эти видения мучают, засоряя мой мозг, загоняя всего меня в половую щель, в самое семя матки. Я сплюсциваюсь, изнемогаю и угасаю в страсти до болезненной остроты отвращения к себе и осознания патологии, что выражается в похотливой низости. Так думают моралисты.

Было впечатление, что во мне еще другой человек, которого не знаю, что содержит в себе какую-то тайну, хранящуюся под семью замками за пятью дверями. И самое ужасное, что не могу понять: хорошее или плохое. Может, вообще что-нибудь фантастическое, что невозможно представить, какая-нибудь нелепица или абракадабра. Возьмешь в руки – оно и растает, только глянешь – оно рассыплется или улетит, не давшись ни глазу, ни в руки, тут же исчезнет, испарится. Так проживешь и не узнаешь, кто ты был, и что в тебе хранилось, и во что ты пошел – то ли в добро, то ли во зло, то ли Богу свечка, то ли черту кочерга.

Что приобрел, или стал ли чьим-то рабом, или кем-то помыкал, а счастья никому не дал – ни тепла, ни улыбки, и всему миру от тебя убытки. И что это? Мне приснилось или наяву проговорилось каким-то чужим голосом, то ли сверху, то ли снизу, фантазией, небылицей, и размышлять заставило

над житием и бытием. Забавно, не правда ли?

В детстве сказками увлекся, в юности – компьютерными играми, потом – кулачные бои и футбольные фанаты. Сколько же во мне всего, и кто здесь главный? Если этот, что смотрит на меня в зеркале, жуткий тип, особенно по утрам, после коньяка и секса...

* * *

Когда понял, что никому не нужен, когда почувствовал, что даже воздух пропитан равнодушием, возненавидел все.

«Кругом одно дерьмо, – решил я. Дерьмо, от которого исходит тлетворный запах. Дулая благопристойность обывателя, воротящего нос от того, что не входит в рамки его представлений, что за гранью понимания низводит до ненормальности». Ненависть, как неистовый ветер выметала из моего сознания все, что еще вчера было дорого, к чему тянуло. И вот я посмеялся над тем, во что верил, сбросил с себя, во что рядился, чтоб казаться таким, как все, расстался с надеждой. «Все за борт, – решил я, – так легче кораблю без лишнего груза». Я остался голый. И лишь ненависть густым волосатым покровом покрывала мое тело, породнив с дикарями, странно, что не прыгал по деревьям, издавая нечленораздельные вопли, что-то было в моей ухмылке от животного, иногда самого пугало, отражение в зеркале. Что-то смущало на мгновение в оскале зубов, поражающих своей бе-

лизной, виделась какая-то страшная готовность вцепиться в горло каждому, кто не даст мне жить в удовольствие.

Сейчас, встречая молодого человека, одергиваемого замечанием за непристойные выходки, отвожу взгляд. То когда вот так оцетившись всеми колючками, вытаращив глаза, с бегающими желваками на скулах, готов был броситься с кулаками, лая, словно сорвавшийся с цепи пес, слова, представляющие отходы в нашем лексиконе. Становится жаль себя, и ненависть, что когда-то была мотором в моей жизни, движущим в неизвестное направление, предстает огромным удавом болотного оттенка, и в насмешку надо мной свисает кончик хвоста на моем горле и душит до хрипоты!

А какое удовольствие мне доставляло причинить боль кому-либо! Как досадовал, что возможность избить была не всегда, некоторым хватало мужества сказать мне даже после сильнейшего удара по лицу, что я не мужик. В каждом взгляде я видел испуг, наткнувшись на мои испепеляющие глаза, не знали, куда деваться, чувствовали себя в западне и сдавались.

Лечу на крыльях презрения, ненависти и злобы! Куда, как Вы думаете?

Ненависть и злоба стали сопровождать меня, доводя до иступления. Казалось, теряю рассудок, отчаяние, что все в этом мире не так, сводило с ума. Бросался в драку, бил стек-

ла, попадал в истории – то в ресторане, в магазине. Вдруг казалось, что нарочно задели, толкнули, не так посмотрели, каким-то двусмысленным взглядом, то нахамили.

Помню, уже работая в банке в ГУМ-е, решил купить что-то приемлемое на встречу с представителем одного банка Германии. Наклевывалось что-то положительное. Это было важно во времена санкций. Продавец-консультант просканировал меня, не смущаясь, подошел и, нагло глядя в лицо, с усмешкой сказал:

– Вы поглазеть, или, может быть, есть намерение купить? На что выставил вперед одну ногу и взглядом показал на статусные туфли. Они были абсолютно чистые. Это говорило о том, что на машине. Он понял. Как бы случайно подняв руку, показал на запястье хронометр в платиновом корпусе:

– Помогите, дружище, примерить этот костюм, – и направился в кабину.

Там врезал ему. Он вывалился, молча встал и ушел. Поднялась какая-то суматоха, но никто не остановил, заметив, что я с охранником.

* * *

В минуты, когда утрачивал сладостную власть над кем-либо, превращался во что-то жалкое. Увидев, что мне нравится, но не достанется, приходил в бешенство. «Любовь», «друзья» – эти слова вызывали у меня приступ смеха, а слово

«вера» ассоциировалась не иначе как с именем проститутки Веры, самой красивой и самой изощренной из всех женщин, которых знал. Когда слышал, как с придыханием произносили: «Вера», неизменно спрашивал:

– Эта шлюха еще котируется на Тверской?

В ту пору я смотрел свысока, с вызовом, словно мне были чем-то обязаны. Никто не мог пройти мимо, чтоб не обернуться, мой взгляд, как удар, бил глаз, искры во все стороны. Удивительное дело, смог додуматься, что ненависть – изнанка равнодушия, темная поддевка бездушных тел, коим доступны лишь сомнительные утехи, от которых рано или поздно начинает тошнить, их ненависть вроде табачного дыма сигар застилает глаза, остальной мир. Они ничего не чувствуют, кроме изматывающего чувства ненависти, что опустошает и делает человека ограниченным идиотом. Тебе уже недоступна красота, ты ее просто не видишь, не замечаешь.

– А жизнь без красоты – не жизнь, – так рассуждают слабаки, слюнтяи. Так думал.

Я пребывал во власти зла, как в кольчуге, в непробиваемом панцире. На вершине торжества – только так и никак иначе, и тогда весь мир у твоих ног. Как смело смотрел на мир, ограниченный злобой! Казался себе несгибаемым механизмом из виртуальной игры, где мог принять вид самого коварного и кровожадного существа с единственной задачей – заточить мир в своей власти.

Ярмо моей любви будет все туже затягиваться на шее по-

корных и послушных, ставших безвольными и податливыми от страха. Коварно буду внушать им свою любовь, выдав зло за справедливость. Рабы будут уважать меня, когда буду менять в руках плеть на пряник и наоборот. Подберу умело изощренную идеологию, оправдывающую мой диктат. Все будут счастливы, как последние идиоты, веря в непогрешимость зла, что мы маскируем под добродетель. Закабалить народы мыслью о счастье и любви – не это ли смысл моей жизни?

Как легко они отдадут свои души за призрак света! Я уведу слепцов в яму чувств, где, раздражая свою впечатлительность, они будут думать только о своем здоровье и как они выглядят, сладострастники и модницы, что любят ласку и грубость одновременно, вся их жизнь в том, как поймать кайф от секса, алкоголя и наркотиков.

Патологическая жажда власти хоть над кем-нибудь, чтоб проявить свое превосходство, видеть страх в глазах у других, – для меня это экстаз. Растоптать бы хоть весь мир, все живое, и оргазм от мысли, что я – сверхчеловек.

Что делать мне, осатаневшему от свободы? Все могу, и нет меня круче. Стать демоном зла так же трудно, как и сеять добродетель. Переступаю через край, вытравливая вседозволенностью остатки совести. Развей пепел выгоревшей души и гордо неси знамя армии равнодушных.

* * *

В выпускном классе однажды в драке мне порезали ноги. Нападавший ростом не вышел, метился выше, да не достал. Я озверел, не чувствовал боли и поломал его нож, вышиб, раскромсал его скулу высокими военными ботинками со шнуровкой – тогда были модные со здоровыми подошвами. А когда достал до головы, он свалился. Свидетелей не было, но кто-то заснял и выложил в сеть. Отец выпотрошил из меня всю историю и отправил продолжать учебу в Швейцарии. Думал, где-нибудь прирежут, но, видно, сами во что-то влипли, может, кто-то отомстил за что-то. Каким судом судите, таким и судимы будете. Все в прошлом, но кровь закипает злобой по-прежнему, когда вспоминаю это.

Ментальность подростка

В Лозанне скукотища. Хотел взять авто в аренду, но наши права не катят. Звоню отцу:

– Почему международный не сделал? Хлопочи, иначе на хреновые курсы английского ходить не буду.

С проститутками тоже напряг. Но в общем тихо, как в захолустье. На Куршевель не влезал: снег с лыжами не по мне. Выйдешь на улицу – кругом все вылизано, ни сорин-

ки, ни пылинки. Полицейские начеку, здесь все контролирует недремлющее око видеокамеры. Все друг на друга стучат, подозрительность на сто процентов, как и сознательность и бдительность. Хотя на первый взгляд – полная расслабуха, но все научены горьким опытом: по Европе бродит террор.

Сошелся здесь с одним мажором: драпанул из Москвы, засветился в каком-то скандале, папаша вроде моего от греха засунул в задрипанный международный финансовый колледж. Стали с ним по барам шляться, травку курить, случилось так, подрались с местными – сами напросились.

Я нормально говорю по-английски, да с французским знаком, все-таки спецшколу окончил, а друган шпарит лучше меня. Обидно стало, когда из разговора за соседним столиком поняли: смеются над нами – видок-то у нас точно был еще тот, под кайфом балдели. Друган облаял их в начале порусски, все самые красивые слова вспомнил, не включенные в обычный лексикон. Потом мат прозвучал на языках, что распространены в Европе.

Когда вошли в раж, началась свалка. Было их намного больше, мы взяли вверх, всех разбросали (не зря в кулачных боях в школе побеждал), разлетелись по углам. Ошалевшие посетители, разинув рот, смотрели на нас, как на пришельцев. Мы заорали во все горло:

– Россия, вперед, победа за нами!

Естественно, все засняли, сразу в сеть, потом полицейские. Отделались штрафом – ни крови, ни синяков у против-

ников. Скорее испугом взяли – грозно руками махали. Известный швейцарский блоггер написал: «Наконец-то в Лозанне появились герои. Как всегда, ими оказались русские, отстаившие свою честь». Лозанна гудела: «Мало нам русских хакеров вездесущего Путина! И здесь рука Москвы схватила за горло тихую Швейцарию».

Обычное дело: как всегда, жизни нет от России, она одна во всем виновата. Нас даже на местное телевидение пригласили и встретили овациями. Те ребята, с которыми схлестнулись, пришли мириться. У некоторых в студии на глазах были слезы, в общем, шоу.

Вскоре родители отозвали нас на родину. В Москву вернулись знаменитостями. Недолго про нас гудел интернет. Начались нудные дни. На носу – поступление в институт. Хотя результаты ЕГЭ хорошие, для страховки сразу пять репетиторов терзали мой мозг, что кипел, шипел и готов был разорваться.

Понимал, что это неизбежно, что пора заканчивать шалопайство. Есть вещи более привлекательные. Хотелось проявить себя, почувствовать частью элиты, пощеголять джентльменом. Раньше был не чужд лоску: перед глазами – отец, кутила еще тот, и бабы его мелькали соблазнительными улыбками. Раза два он даже предлагал:

– Хочешь эту зажигалку? Обжечься можно.

Я смеялся в ответ:

– У меня свои девчонки, им и платить не нужно, так у них

свербит между ног.

Драйв на пределе возможного

Уже работая в больнице № 57 не мог избавиться от комплекса шалопая. Мне хотелось шальной жизни, зажигать по полной. Мчаться по Москве на новеньком авто, подаренном отцом, с девчонками, друзьями, безудержного веселья, бесконечного праздника. Тогда мы тесно стали общаться с Инной. С Наташкой все было кончено. Тогда я не до конца осознавал ее поступок – самоубийство.

Сумасшедшая музыка, вино и девицы, готовые на все по первому зову. И это снимать и выкладывать в интернет по ходу движения. Гнать по встречке, обгонять всех в ночном городе, подсвеченном тысячами ламп. Мосты, набережная, красота – мы ликуем вместе с прекрасной Москвой. На спидометре – 160–180 км. И вдруг – визг одной из моих сучек: – Вэл, прекрати, мне страшно!

Сбавляю скорость, вспомнив, что мой отец всего лишь замминистра, возглавляющий Рыбнадзор страны, не олигарх, и не нефтяной магнат, и даже не банкир. И, тем не менее, многое могли себе позволить на зависть родственникам, что облизывались на то, как красиво мы живем.

Отец потешался над ними: на людях они воспитанные, а за спиной шипят, как гады. Когда им что-то надо – кланяются, когда нет – не заметят. Отец вообще был страшный человек:

людей презирал, на мать руку поднимал, обзывал, сам гулял направо и налево. Мне он говорил:

– Дай я тебе за вихры потреплю. Растешь, парень, умишко прибавляется.

* * *

Мать робела перед ним, лишь иногда она возмущалась, когда его поведение выходило, как она выражалась, за рамки приличия. Однажды во время какого-то приема в Кремле на ее замечание, что он ведет себя развязно и прилюдно потянулся за третьим бокалом, он показал ей язык так, чтоб никто не заметил.

– Сколько можно издеваться надо мной? – плакала мать.

– За что ты меня унижаешь?

– Дорогая, – смеялся он в ответ, – неужели все так плохо, или ты устала быть богатой? Не забывай, как рискую, за это можно, думаю, списать все мои недостатки.

В общем-то, все было неплохо, даже очень неплохо. Кого-то сажали, ловили на взятках, отец ухитрился избежать, лишь тот случай, когда к нам забрались те отморозки, что чиркнули мне по лицу, напугал их... С родителями что-то произошло, ведь я у них был один. Отец всегда ругал мать за то, что она больше не стала рожать.

* * *

Время летело. И вот я уже – дипломированный хирург. Отец добрался до второй строчки – первый замминистра. Мы узнали, что такое роскошь, уже не знались с родственниками, вошли в соответствующий круг общения. Мать занималась собой, омоложением. Отец усваивал этикет и все прочее. В правительстве его ценили и время от времени чем-то награждали. Ни на чем его не подловили, но напряжение, казалось, да и интересные дамы, к коим он испытывал слабость, старались, как говорится, во всю прыть. Я предупредил его:

– Отец, как врач должен заметить: не забывай о возрасте. Те таблетки, что видел у тебя, могут так возбудить, что сердце не выдержит.

Организм забарахлил после одного случая, когда, как он выразился, переутомился, переусердствовал, потерял сознание. Стал более тщательно следить за своим здоровьем.

* * *

Если, учась в школе, увлекся виртуальной реальностью, погружался с головой и сходил с ума по играм, то в институте меня захлестнула любовь сразу ко всем заметным девушкам.

Мне всегда хотелось секса, и всегда добивался своего.

Но однажды мне стало скучно, оттого что все было просто и не составляло труда. Красавицы сдавались без боя, правда, для интриги иногда кочевряжились, выпендривались. Поломаться считалось хорошим тоном, так и говорили: «Поломалась приличия ради».

«Распущенные девки», – звала их мать. Отец, напротив, смеялся: «Ну что делать, когда девочкам хочется любви и ласки?»

Мать больше всего боялась, что буду, как многие, наркоманом или «голубым», поэтому была снисходительна к моему донжуанству. Ей так хотелось, чтоб стал медиком, врачом, непременно хирургом. Когда-то сама мечтала об этом. В их семье все были медиками. Она просила только об одном:

– Учись, врач – такая прекрасная профессия.

Сейчас врачи уже не те, да и тогда не все придерживались морали и уж тем более клятвы Гиппократата. Врачи убивали пациентов случайно на операционном столе. Врачей убивали от отчаяния, не веря им, что они сделали все, чтоб спасти пациента. Как говорится, измельчал народ, измельчал до пагубности.

Мажор мелковатый с ехидцей

Я – стильный, вероломный, неотразимый мой кураж, оба-

ание, деньги и результат – вседозволенность и доступность. Жизнь как приключение – моя мечта, но все твердят: «Надо остепениться». Стоял на своем: «Потанцую, пока молодой».

Ночные клубы Москвы – отдельная песня. Быстро их перерос – там одни поганки. Да отец стал прижимать деньгами. Разозлился после того, как очередная сука, узнав его телефон, оповестила о неизбежной беременности. Отнял банковскую карту и грозился отобрать мобильник за полмиллиона, что подарил после поступления в институт. Когда в очередной раз меня лишили прав, кричал так, что мать убежала в свою комнату и не показывалась до утра.

– Давай ключи, на такси куплю тебе абонемент на год. Голову включай, научись вести себя красиво, достойно хотя бы внешне. Не забывай: ты сын – человека публичного, гостиничника, дискредитируешь отца, пожалеешь об этом. Наша фамилия на слуху. Не дай повод всяким писакам, что только и ждут нагадить, оболгать.

Все его слова не задерживались в моей голове, как говорится, в одно ухо влетает, в другое вылетает. Когда же он неожиданно вспомнил Бога, я присвистнул, так и хотелось возразить: «Чья бы корова мычала».

– Тебе бы к Николаю Угоднику, его мощи в храме Христа Спасителя из итальянского города Бари.

Я промолчал, хихикнув про себя: «Вот куда тебя занесло, папаша. Может, еще скажешь: чти отца своего. Хвост на работе накрутили, или еще что-то, или какое-то недомогание.

Неужели я так достал?»

Его полоумная мать – моя бабка все твердила про Бога. Я как-то прикрикнул на нее: «Ты, старая, утомила меня». Позрелев, подумал: «Неспроста тогда раздражался. Видимо, злые силы восставали во мне. Что-то лихое было в отце, да и мать отличалась упрямством, и это перешло ко мне. Понятно: гены. Отец с начальственным тоном, и мама с замашками администратора горничную строила. Со всеми, кто приходил в дом с услугами, не церемонилась, сразу давая понять, что они всего лишь рабсила.

Во мне формировалось что-то подобное, дополненное интернетом, играми, скейтом, роликами, велосипедом, и на мопеде я погонял. В парке обязательно – тир. Метал нож и одно время ходил с ним, потом сменил на травмат.

Помню, удивился, когда отцу делала дома приглашенная женщина педикюр и маникюр, естественно, без окрашивания. Он следил за собой, любил себя, так же, как и мать, опускался до придирок к домработнице, что забыла перед обедом принести какую-то пилюлю: «У вас все расписано, почему надо напоминать?»

Этот мирок не предполагал Бога, поэтому бабуля была анахронизмом. Когда она испустила дух, я выпил банку пива. В седьмом классе я раскрепостился, меньше было соглядатаев, старуха считала своим долгом докладывать обо всех моих промахах, или, как она говорила, «недоимках», на что я обижался, мне слышалось: «недоумок».

– Кумекать надо, – говорила она, шаркая тапочками.

– Бабуля, иди к себе, ты мешаешь делать уроки.

– Жизнь припасла тебе не один урок, да заранее видно по тебе, какие будут отметки.

И точно, первая отметина – шрам на лице, бабка, видно, была права, может, и Бог есть. Правда, вместо Преподобного пошел на матч Кубка конфедераций между Россией и Португалией. Естественно, наши проиграли, потому что нужно было всей командой поклониться мощам Николая Чудотворца. Вот Роналдо перед игрой крест нательный поцеловал и перекрестился. Быть им чемпионами с такой верой. Они и немцев одолеют – сегодняшних фаворитов.

Мы надорвались, крича на трибунах, голос сорвал, да что толку. Как у меня кулаки чесались, но в этот раз все матчи международные, Конфедерация, обложили со всех сторон. Полиция не разрешила ни фаеров, ни баннеров. Все закончилось баром – пиво да песни. Поорали в караоке.

Может, на чемпионате мира пробьемся в четвертьфинал. Выиграть матча три, четыре. А на Конфедерации все-таки выиграли немцы. Эх, наподдать бы им! У наших злости не хватает. Им не скажешь, как деду: «Спасибо за Победу». Нашим игрокам надо бы напомнить бесстрашных дедов, что одолели не команду, а европейскую армаду.

А сейчас мы установим лазерные пушки с отражателями и магнитным резонансом, выведем из строя любое их оружие, да улавливатели по периметру границы нового бактериоло-

гического оружия, что думают распылить на нас так называемые наночастицы. Умыть бы их чем-то мощным, чтобы оставили мысль о превосходстве. Уверен: наши умные головы работают над этим. Путин готовит сюрприз, над которым задумаются буйные головы на диком Западе.

Сфера ответственности Бога под вопросом человеческо не плошай

Сейчас, когда пересматриваю домашнее видео, где отец запечатлел все мое детство, не могу поверить, что был таким веселым, беззаботным. Весь мир мне казался сплошным мороженым, вкусным, тающим от простого прикосновения языка. Я слизывал его, и жидкая струйка сладкого неба и солнца втекала в меня, проникая легким холодком. Было необыкновенно приятно, как и голос отца и смех матери.

Они любили друг друга, любили меня. Я это чувствовал, когда мать в приступах нежности прижимала к груди, когда отец брал за руку, и голоса у них были совсем другие. Я запомнил, как они шутили над собой, и что-то игривое было в этом.

Тогда впервые услышал слово «любовь» и стал понимать его значение, потому что, говоря его, мама гладила меня по голове, целовала лицо, глаза, нос, губы. Обцелует всего. От отца этого не слышал, был немногословен. Если улыбнется и скажет: «Молодец», – считалось заметным событием. На-

счет нежности был прижимист в детстве. А уж, как говорят, в отрочестве и старше вообще об этом забыл.

Может быть, маме говорил о любви наедине, моей маме, свою же маму почему-то боялся. Прежде, в советское время, она работала заведующей детским садом, лучшим в Севастополе. В начале приезда показала грамоту, награды, думая этим вызвать к себе уважение.

Чтоб не раздражать отца, в первых поездках в Севастополь, когда повез нас показывать родственникам, поддакивал ей. Бабуля так и сыпала пословицами, поговорками, на все у нее припасены куплетик, песенки или считалки, умела с детьми работать. В Москву приехала уже старухой, только талдычила про Бога, будучи когда-то партийной. Сына наставляла:

– Живи по совести, честным не пропадешь. Ты хоть и начальник, а людей не обижай, я со своими нянечками в детском саду считалась.

– Мама, сейчас другое время, вы многое не знаете.

Потом его словарный запас пополнился выражениями.

– Как все надоело, – говорил с надрывом, раздражено.

Мама в чем-то его упрекала, спрашивала, где он был, и тоже в ответ кричала. «А как мне все это надоело!»

Но когда он во время очередной ссоры заявил, что уйдет и бросит ее, она разрыдалась, вызвали скорую. Никогда не забуду, как закатила глаза, у нее посинели губы, захрипела, я бросился:

– Мама, мама! – и тоже заплакал.

Потом мы ходили с отцом в больницу с цветами каждый день. Что уж он ей сказал, не знаю, но все улеглось.

Бабулю отец привез из Севастополя после того, как осталась одна. Потеряла мужа бабуля, что отслужил на флоте помощником капитана военного корабля 40 лет, начиная, как она рассказывала, аккуратно после Победы. Списали его давно, но каждое утро ходил в порт посмотреть на рейде судно, ушло ли в плавание по заданию. Тогда плыл вместе с командой, вспоминая, как прежде отдавал команды по поручению капитана, как проверял готовность узлов. Подсматривал за судном скрытно, не хотел выдавать привязанность, боялся расспросов и избегал всех знакомых, потому как каждое слово в разговоре давалось с трудом, казалось таким тяжелым.

Груз привычки, а может, более того, любви, где каждая деталь корабля стала родной, где покачивание на волне просто необходимо организму, чтоб почувствовать, что жив, что плывешь.

Море, сопротивляясь манящей нескончаемой песне волн, лаская берег, ведет к горизонту всех кто отдал самому синему морю, Черному морю, когда-то Русскому морю, свое сердце. Качка, страх, дикая вода бушует, штормит, не дается человеку и кораблю оседлать вольную волну. Хочет сбросить с себя смельчака, судно кажется игрушечным, словно надоевшие чайки. Море заглотнет тех, кто решил, что с ним можно не считаться, шутить. Море терзалось мыслью, что

его недооценивают, и требовало даже не уважения, а поклонения водной стихии.

Дед бродил по набережной, вдыхая соленый, влажный воздух, напоминающий запах рыбы. Он втягивал носом и ду- мал, почему так коротка жизнь, и что скоро отправится в последнее плаванье, упакует его в крохотную земную лодку и поставят на якорь вечности.

«Только бы мне снилось море, прозрачная чистая вода играющая бликами на солнце, буду смотреть в нее до бесконечности, растворюсь и стану маленькой каплей огромного океана бескрайней воды, стану рыбой какой-нибудь, хоть сельдкой, а может, повезет – дельфином, и буду сопровождать корабли и спасать людей».

– Ну это ты, друг, загнул, – сказал себе, усмехнувшись на выдумку, и подумал: «Вот не зря говорят: пропитался морем, просолился океаном, – из меня до сих пор его дух не выветрился, с ним, видно, и кончусь. Что все о грустном, запою-ка «Севастопольский вальс», чтобы вспомнить, как прижимал молодые груди и сладкие поцелуи. Пока сердце мое стучит, корабельный колокол звучит». Когда уходил с корабля, ему рынду подарили, хранил ее как зеницу ока.

Главное наказание человека – его совесть, если она еще есть

Смрад души новоявленного хирурга

Как медленно тягучи были движения Наташки, когда она вставала! При этом ее легкий стон сожаления смешивался с чуть уловимым стоном постели, что так неохотно отдавала тело, уносящее тепло. Она поднимала голову, потом туловище нависало на краю дивана. Еще несколько мгновений происходила борьба со сном. Она вяло сопротивлялась. Сон не отступал. Сладостный плен был мил ей. Она рада была бы остаться, но там, в отделении хирургии, ждали больные. Ночь любви так быстро закончилась. Сейчас – градусники, давление, таблетки, уколы. Она уходила, забыв свой сон по рассеянности, вспомнив о новом дне, работе.

Сон становился каким-то неведомым туманом. Только закрыв за нею дверь, запечатлев в памяти, как она надевает нижнее белье, рассеянным взглядом оглядывая ординаторскую, то ли о чем-то сожалея, то ли волнуясь о предстоящем, целовал ее перед тем как ей уйти, уверял в любви, давая понять, что мне тоже надо собраться, потому что могут войти посторонние.

Сон так же держал меня в плену, обволакивал, пеленал в какой-то тихой, по-детски незамысловатой мелодии. Хотелось спать, закрыть глаза и слушать Шуберта. Спокойные мелодии возвращали к только что растаявшим образам пыльных, жадных объятий, жгучих поцелуев и такого огня в глазах, что в ординаторской не нужно было включать свет.

Вначале мы избегали взглядов. Наташа всем видом говорила: «И не затевай, не коли меня глазами. Про тебя мне все известно: ты – обманщик».

Как-то я схватил ее за руку и тихо спросил:

– Ты думаешь, я не могу полюбить по-настоящему, не могу быть мужиком? Те, что про меня говорят, специально разносят слухи. Поверь, я другой.

Она вырвалась, опустив глаза, не оборачиваясь, ушла. Молодая девчонка, что она знает о жизни? Обведу ее вокруг пальца, в два счета будет моей. Я подарю ей такие воспоминания на всю жизнь! Все бабы, что были со мной, были без ума от меня. Как они любили мое тело, каждую ее часть! Они не могли скрыть своего восхищения, лишь только я представлял перед ними обнаженным.

В то дежурство, наше первое дежурство, о котором я уговорил главного, на что он хитро подмигнул, заметил:

– Новая жертва, только чтоб шито-крыто. А иначе... ты знаешь, что иначе.

Под невинным предлогом с усталым и отрешенным лицом посетовал на давление и боли в мышцах. После обхода, за-

манив к себе в ординаторскую, попросил ее сделать массаж шейного отдела позвоночника, как бы между прочим заметив, что не стоит меня бояться. Ну что, право, монстр я, что ли? Про себя уже ворчал: «И что она тебе далась, девчонка, что в ней такого? Грустная, если не печальная».

* * *

Вначале думал, что она не совсем здорова, потом – что недалекая. И вдруг увидел, что она не тронута никем, что чиста и наверняка девственна. Мимо этого пройти не смог. Этот цветочек достанется мне, первоцвет или светоцвет, ну что-то вроде наивного самоцветика.

Обхаживал, как бы невзначай оказывал внимание, то комплименты, то заинтересованные взгляды. Пытался с ней сойтись в общении до такой степени, чтоб нас не сковало стеснение. Старался преодолеть ее опасение разными остротами, анекдотами. Цветочки, шоколадки, что приносили пациенты. Когда были сабантуйчики, корпоративчики садился рядом.

Незаметно мы стали сближаться, это подразумевало близость. Как-то мне удалось – я в этом мастак – то коснуться ее, то задеть, то заглянуть в глаза, так, знаете ли, выразительно. Торопить события я не стал в полной уверенности, что своего добьюсь.

Любовь как сон, видение. Не для средних умов

Сон, где все было необычно. Можно ли в него поверить и возможно ли это? Меня неприятно поразили Наташкина искренность и избыточное желание верить. Она так по-детски смотрела мне в глаза, что напугала. Долго не решался коснуться ее губами, думая, что она нереальна. Инопланетянка, только этого не хватало. Хотел немного показаться циником, предложить выпить. Другие бы медсестры не отказались и вообще приняли бы эту игру, все понимая. Наташу можно было тронуть только словами любви. Уже и не думал, что будут объятия и поцелуи. Все случилось стремительно: мы отдавались страсти, где все было прекрасно, была любовь.

Вначале мы очень долго смотрели друг другу в глаза, потом все исчезало, и приходил страх, мучительный сон ужасов и кошмаров. Она возвращается, нет, просто отлучилась на минуту, просто вышла за дверь, и вот она вновь здесь, словно бы была здесь всегда.

Как-то сказала, что знает меня давно и уже любила в другой жизни.

– Я помню тебя, – рассказывала она, – таким же уставшим и мрачным, замкнутым. Весь в себе, даже глаза, смотрели отрешенно. Ты был здесь, и тебя не было. Такой далекий и отстраненный, пребывал в своих мыслях, ведомых только тебе. Какая-то невидимая черта разделяла нас и делала невоз-

возможным наше соединение.

Ты приносил свою усталость, как ты выражался, снимать напряжение. Всегда мало говорил, всего лишь несколько фраз за вечер. Ждал прикосновений, тебе нужна была моя ласка. Твое мускулистое тело изнывало от недостатка тепла и любви.

Твоя молчаливость смущала, я вдруг была охвачена какой-то безысходностью и сомневалась в перспективности отношений. Лицо было равнодушным, тебя не трогали мои слова, был сам по себе и если что-то говорил, то словно бы выдавливал из себя с большим трудом какие-то тяжелые рассудочные фразы. В тебе отсутствовали чувства.

Во мне боролись сомнения: испытываешь ли ты что-то, хоть какую-то привязанность. Ты даже упрекнул в том, что обременяю своей чувствительностью, словно бы я навязывалась.

На все это убеждал ее, что это не так, что смертельно устаю в операционной, и тяготение к друг другу не просто от одиночества.

– Ты думаешь, что я в скорлупе, не могу решиться на откровенность, искренность. Я не скрытен и не запахнул душу. Мы понимаем друг друга без слов, зачем нам какие-то признания? Меня тянет к тебе, ну что еще нужно? Зачем думать о том, что будет завтра, что загадывать и обсуждать? Мы вместе, это главное.

Как-то она призналась, что когда меня нет рядом, пытается-

ся вспомнить мое лицо, характерное выражение.

– Мне это не удавалось. Лицо странным образом ускользало и не поддавалось воспроизведению, тогда как в отношении других, что близко знала, это не составляло труда.

Эти головоломки были не по мне, не хотелось заморачиваться. Хотел сказать, я плохой парень, отвязный, и мне нравится быть таким. Хочу легкости, любви и секса.

Уже тогда подумал, что Наташа – не тот человек, с ней не обратишь все в шутку. И пришло время решиться. Она, видимо, почувствовала. Вообще подозреваю, что она могла читать чужие мысли. Стала избегать меня, и уже не было безумных ночей.

Как-то в одно дежурство, войдя в специальное помещение с ванной, я замер, увидев ее всю в крови. Порезав вены, она была мертва.

– Дура! – завопил я, как раненый, только этого мне не хватало. Идиотка! Разве можно так любить?

Накануне она заговорила о ребенке.

– Ты что, залетела? – закричал я.

Она шарахнулась от меня и убежала.

Главное – понты. Какой процент поршивости

Не хватало, чтоб она завела разговор о Боге. Тоже придумали: ад, рай. А если он все-таки есть, проблем не оберешься. Лучше, чтоб не было, проще: живи, куролесь, потом за-

гнулся – и конец. Сыграл в ящик, отыграл в этой жизни, проиграл или выиграл. А там чтоб ничего. Смешно: суд или кара. Бред. Ничего нет, и ничего не надо.

В больнице в каждой палате – иконы, кресты. Людям невдомек, что мы здесь – боги, и все в наших руках. А когда в руки нам ничего не дают, уже как-то не так интересно.

В институте на практике смеялись, когда осматривали женщин, лапали их, заставляли оголять интимные места и с умным видом рассуждали, на что-то намекали и даже находили отклик у некоторых, было и такое.

Вообще было столько забавного и анекдотического. Одна девушка была так напугана, что у нее щитовидка, что позволила осмотреть себя с ног до головы. Стояла перед нами совершенно голая, даже не подумав, что это розыгрыш, в чем нам было невозможно признаться, видя ее безграничное доверие. Потом, когда выяснилось, что у нее ничего нет, мы нашлись сказать только то, что ошиблись в симптоматике.

Почему Наташка такая скучная? Так серьезно воспринимать жизнь опасно. Главное – понты. Без них все так пресно. Бесконечные лайки. Фоткаешь себя постоянно и везде, можно даже в туалете. Обнимание, поцелуи и секс. Это эффектно и потрясно.

* * *

Наташа вдруг сошла с ума.

– Пропали цвет и запах, – говорила она, и лицо ее было странным. Мир разломался, все покрылось трещинами и затем все рассыпалось. – Ты не любил меня? Почему? Неужели меня нельзя было полюбить? Может, я недостойна этого чувства. Ты играл. Зачем? Ты – мажор! Золотая молодежь. Таких дур у тебя будет не счесть.

– Ну что ты заладила: любовь да любовь. Просто наслаждайся.

* * *

Я стоял в проходе, в помещении где стояла ванна мыть больных и делать им клизмы, где перед операцией брили лишние волосы и тупо смотрел на Наташу с остекленевшими глазами. Все, кто заходили, обходили меня словно чумового, словно вдруг наброшусь на них и буду кусаться. А мне хотелось просто плюнуть и сказать: «Набрали лимитчиков, иногородних, без воображения. Она даже сексом занималась, как в пионерском лагере. Приедут в Москву, мечтают. Ну скажите, что у меня нет сердца», – хотел закричать я. Ха-ха, да у меня не только каменное лицо.

Мне стало тесно в этом мире, и совесть стала заедать

Когда произошло трагическое с Наташей, стало трудно думать и не хотелось. Почему-то казалось везде темно, мало света, раздражали занавески, дождливые дни, тучи. Дома включал свет везде, во всех комнатах, мама удивлялась:

– Что за иллюминации?

Но что я мог сказать на это, когда себе не мог объяснить свое состояние, когда не знал, куда себя деть, куда пойти, чтобы развеяться?

* * *

Обнаженная Наташка лежала в ванной с закрытыми глазами. Она словно заснула. Но почему нагая, голая, не постеснялась? Вода, подкрашенная кровью, казалась прозрачной вуалью. Органза тончайшего размытого бордового цвета покрывала ее, делала похожей на голограмму. Она никогда не была реальностью. Наташа вне этого мира или, проще, не от мира сего.

Я догадался, почему она была нагишом: никто, наверное, не заметил слегка наметившийся живот, всего лишь одна складка внизу. Только я видел ее без одежды, и для меня

скинула все, даже стыд, чтоб навсегда запомнил, что сделал с ней и нашим ребенком. Кто заходил посмотреть на нее, потом переводили взгляд на меня. Стало ясно: нужно уходить, написал заявление о переводе в другую больницу.

* * *

Время лечит, вроде стал забывать, но что-то ныло и ныло в душе, словно в желудке произошел какой-то спазм и ничем его не снять. Голос Вэла, голос моей совести, стал тревожить, что он там бормотал, понять не мог. Стали трястись руки, все чаще подводить. Сошлись с Инной. Старалась вывести меня из этого состояния, предложила пойти к ее отцу после того, как сказал, что хирургом работать не смогу. Постепенно стал втягиваться в банковский бизнес, начались учебные командировки, стажировки в Штатах и в Европе. Меня сопровождала Инна, там и зародились наши отношения или углубились, а может, увидел их перспективу.

Многообещающий отец стал воплощать в жизнь радужные планы. Инна приложила к этому старания. Воображение рисовало респектабельность, все по высшему разряду.

Подразумевались изысканные манеры, утонченный вкус. Гурманы в еде и одежде, в путешествиях, безукоризненное произношение английского, избранный круг достойных людей, известных и имеющих вес в обществе.

Высший свет богатых и знаменитых. При этом деньги,

много денег, были не проблемой, а как что-то само собой разумеющимся.

Одноразовая жизнь, но в кайф

Твари, что полосонули по лицу, сформировали во мне испуг, что засел в сознании. Всю жизнь пытаюсь избавиться от этого, и ничего не получается. Коварнее времени, чем то, когда формируется личность, нет. Если в это время сломать человека, он уже не вырастет ровно и прямо. Детство и юность западают в память глубже всего, с ними человек умирает. В последние минуты боль может заглушить только детский смех и свет, что мы утрачиваем, становясь взрослыми. Заботы и суета, погоня за тем призрачным обманом зрения, искривляет душу, застит свет истины. Мы утрачиваем искренние восприятия, видим только то, что хотим. Смотрим в ту сторону, куда остальные, становимся, как все, далекими и живем во мраке иллюзий. Вэл, мой голос совести говорит, что я не многим отличаюсь от тех бандюганов, что пробрались к нам в квартиру сделать сигнал отцу, чтоб не препятствовал мафиози на рыбных промыслах, что я так же, полоснул по венам Наташи.

Как это можно переосмыслить, переиначить смысл и утра-
тить его? Ничего не понимаю, какая-то бессмыслица.

Наташа вдруг обнаружила эту бессмыслицу и сказала се-
бе: «Зачем жить, ради чего?» Сейчас я задаю себе этот во-
прос, и у меня есть ответ: ради удовольствий, только чтоб не
было скучно.

Тесть покушается на мою свободу, приходит в бешенство,
когда чувствует от меня запах спиртного. Показал бы ему,
какой я буян, тоже могу закричать так, что мало не покажет-
ся. Помню, как мне нравилась песенка блатная:

Нож, наган – хулиган, бандюган, Оров пиво, пузо, мат –
болван, Шашка, папаха, седло – атаман, Спидометр 300, бита
– автохам, Кайф для овоща – кокос, трава.

Это наша с тобой страна.

В школе пел ее вполголоса для своих одноклассников, за
воротами звучала, как марш. Мы горланили, словно пьяные.
Быть отвязным, наглым мне нравилось. Ребята смотрели на
меня, как на героя, заводилу, атамана, а может, хулигана,
девчонки звали так.

С кем поведешься, того и наберешься, дурень

Эту песенку пел и на даче. Там было прикольно.

Одно время мы часто ездили отдыхать за границу. Меня всегда поражали европейские отели. Умеют быть привлекательными, научились преподносить свое как самое лучшее. Семейный бизнес, традиции, конкуренция династий. Продавать – целая наука. Там люди искушенные: тренды, одежда, рестораны и кафе – все с историей. Реклама – загляденье.

Другое дело – не свое. Не сразу понял. После того как воссоединился родной Крым, отец решил предпочитать отечественные курорты. Стал сравнивать: Сочи не хуже Европы, Крым предстоит возродить. В основном дышали воздухом на даче.

Детство проводил в доме, построенном мамиными родителями на Соколиной горе. Там люди жили непростые, но я как-то этим не интересовался. Связался с какими-то пацанами, а учился тогда в четвертом классе. Впервые узнал, что такое мат. Понравилось, в этих запретных словах было что-то откровенно необычное, и главное – в неприкрытой пахабщине виделась искренность. Русский мат – как песня про кучу говна посередине дороги. Почему ребятам доставляло удовольствие срать на проезжей части, как местные коровы, что старались наложить на шоссе?

У них научился в ножички играть, бросать с силой в от-

меченный круг на земле и отрезать части. Кто промахивался, оставался без доли или с меньшей, чем у других, должен был садиться голой задницей на куст крапивы. Приходилось и мне терпеть. Еще одна экзекуция – кто дольше всех в речке без воздуха под водой просидит. Кто испытание не проходил – щелбаны, да такие, как в сказке Пушкина «О попе и работнике его Балде». А у ребят балда была между ног – купались-то без трусов. Вода холодная, ледяная, и течение заметное, выскакиваешь, как ошпаренный, плюх на теплый речной песочек и слышишь непонятные слова: «Бля, бля», – словно других слов и не знали.

* * *

Через год отец купил коттедж в охраняемом поселке, решил стать соседом своего начальства. Мать недолго горевала о родительском гнезде, на Истре ей все нравилось, тем более что соседи были как раз те, о которых думала. Прекрасный вид на реку, невдалеке – Ново-Афонский монастырь, луга, лес, подъезд, гараж, терраса, барбекю, фонтаны и альпийские горки, японский садик и золотые рыбки, правда, сад, о котором мечтала, еще молодой, чтоб плодоносить. Цветы по ее заказу, ими восхищалась, они были ее отдушиной.

Мутный поток сознания очистительного свойства вроде слабительно, после него – облегчение

«Душа», «совесть», «память» – жестокие слова. Особенно остро чувствую, как безжалостны они, когда ночная тишина обступает плотным беззвучием, когда осаждают неотвратимые мысли о минувшем, предательская память неумолимо открывает дверь тем, кого избегал при свете дня. И вот возникает боль утрат, что проникает в плоть, острием неизбежности, заполняя сознание горящим чувством вины до онемения, ничего, кроме той вины. Бесшабашной молодости.

Я знаю, Вэл, первым войдешь ты. Вэл, ты был для меня всем, ты был моей жизнью. Только когда ты был со мной, я жил, любил женщин искренне и с упоением, замечал, как прекрасна жизнь с незабываемыми рассветами. Каждый день воспринимал как праздник, как дар. Теперь жизнь напоминает жалкую пародию, ничего не радует, уже давно забыл, что такое чувство удовлетворения. Мне была дарована душа – теперь ее нет, значит, пора поставить точку. Я был озарен всеми чувствами – теперь все померкло. Прощай, Вэл, мое счастье, моя душа, мой свет. Мое детство.

Как, когда это произошло, при каких обстоятельствах? Мы вроде не ругались, даже намек на ссору не было. Не припомню предлога для расставания, разве в чем-нибудь упрек-

нул его, может быть, чего-нибудь потребовал от него? Нет, нисколько не беспокоил ни просьбами, ни уж тем более требованиями. Наоборот, любил, уважал, дорожил дружбой, а он ушел, покинул, просто бросил. Он был дорог, ближе всех ко мне, и вот теперь его не стало. Я доверялся, он единственный знал обо мне все, и он оставил меня. Только он знал, что за озлобленным взглядом был другой человек, беззащитный, одинокий.

Когда же он это сделал? Почему ощутил это только сейчас? Почему появилась потребность в нем? Я не забывал о нем никогда, в то же время не заметил, когда он ушел. Всегда помнил, что он рядом со мной, посылал ему кивком приветы. В ответ он улыбался, правда, несколько иронически, он вообще любил подтрунивать надо мной. Прощал это, а иногда просто не замечал: замотаешься в суете – не до того.

Может быть, оскорбился, потому что не всегда находил время поговорить с ним, не всегда до конца выслушивал, перебивал, или того хуже – поступал не так, как советовал. Но это смешно, он же не чужой, одни могут договориться между собой, что же помешало мне жить в согласии с ним? Его голос, звучащий во мне, поражал своей искренностью, мы жили душа в душу. Он просыпался вместе со мной. Мы сталкивались лицом к лицу, когда я брился перед зеркалом, причесывался.

В имени Вэл есть что-то тягучее, протяжное, хотя оно такое короткое, всего из трех букв. Когда произносишь, со-

дается впечатление, что заполняет все окружающее меня пространство. Мне нравилось имя, данное мне проституткой Верой, что не означало отказом имени данное при рождении Владимир, Володя, Владимир Сергеевич.

Когда-то очень любил с ним беседовать, могли проговорить до глубокой ночи, даже до утра. Никто не знал, о чем говорим, даже не подозревал, что рассказывал о Наташе, только ему признался, что люблю ее. О, как он был рад за меня, не хвалил, не говорил что-то одобряющее, только слушал, умел это делать, и я всегда понимал, принимает ли сказанное мной или отвергает.

Мою любовь к Наташе принял без оговорок, чувствовал, что он счастлив вместе со мной.

Вэл, я знаю, ты любил меня. Где же теперь плутаешь без меня? Иногда слышу твои шаги, кажется, что идешь следом. Может быть, ты так же тоскуешь обо мне, плачешь. А откуда у меня слезы? Их, нет, мне показалось. Ты осуждаешь меня, ушел в знак протеста, только так можно воспринять отказ сотрудничества. Ты отказываешься принять мой образ жизни, мою логику мышления.

Ну что же, вольному воля, только моей вины нет. Ну посуди сам: разве я виноват, что Наташа была неосторожна? Она медсестра, и у нее не должно быть неясностей на этот счет, могла предвидеть последствия.

И потом, я не навязывался, не берусь утверждать, что она сама, обоюдно, это случилось само собой. И не надо цеплять-

ся за слова. Да, я говорил, что любил ее. Ну и что? В институте я тоже влюбился на четвертом курсе, и хотя между нами были самые тесные контакты, ты не осуждал. Сейчас ты сразу спешишь возразить мне на это: мол, то был другой случай, что та рационалистическая девица стремилась получить лишь ощущения, и что в ее коллекции милых друзей я был случайным человеком.

А почему ты не возмутился, когда узнал, что Наташа дружит с каким-то техником из телеателье? Я, правда, не видел его ни разу и знаю, что между ними не было ничего серьезного. Да, Наташа была девушкой. Вначале я как-то не подумал об этом.

Кто посмеется над искренностью?

По распределению попал в 57 больницу хирургом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.